

Генеральная Ассамблея

Шестидесятая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
12 January 2006

Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 18-м заседании,
состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, во вторник, 1 ноября 2005 года, в 9 ч. 30 м.

Председатель: г-н Яньес-Барнуэво (Испания)

Содержание

Пункт 80 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее
пятьдесят седьмой сессии (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza), и включаться в экземпляр отчета.

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

Заседание открывается в 9 ч. 40 м.

Пункт 80 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят седьмой сессии (продолжение) (A/60/10)

1. **Г-н Панахизар** (Исламская Республика Иран), обращаясь к теме "Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров", приветствует первый доклад Специального докладчика (A/CN.4/552) и с удовлетворением отмечает, что Комиссия одобрила предложение относительно препровождения государствам-членам письменного запроса о предоставлении информации. Делегация Исламской Республики Иран поддерживает основную цель проектов статей, представленных Специальным докладчиком, которая заключается в прояснении юридической ситуации в отношении последствий вооруженных конфликтов для международных договоров, а также в обеспечении надежности правоотношений между государствами. Наряду с этим оратор также одобряет подход, предусматривающий обеспечение совместимости проектов статей с положениями Венской конвенции о праве международных договоров. Однако данная тема также тесно связана с другими сферами международного права, такими как международное гуманитарное право, самооборона и ответственность государств. Оратор выражает надежду на то, что Специальный докладчик рассмотрит их взаимосвязь в своем следующем докладе.

2. В пункте b) проекта статьи 2 определение термина "вооруженный конфликт" относится только к "конфликту", а не к "международному конфликту". Таким образом, внутренние вооруженные конфликты будут включены в это определение. Однако внутренний вооруженный конфликт не должен иметь каких-либо последствий для договоров, заключенных между государством, в котором имеет место этот конфликт, и другими государствами. Если государство, затронутое внутренним вооруженным конфликтом, не выполняет свои договорные обязательства, то такое невыполнение обязательств будет рассматриваться в соответствии с правом ответственности государств: конфликт вполне может сделать невозможным для соответствующего государства выполнение данных обязательств, и это обстоятельство, несомненно, не позволяет характеризовать его поведение как противоправное. Кроме того, широкое определение термина "вооруженный конфликт" скорее ставит под угрозу, нежели укрепляет договорные отношения.

3. В соответствии с пунктом 2 b) проекта статьи 4 "характер и масштаб вооруженного конфликта" рассматриваются как непереносимое условие для определения намерения сторон договора в отношении возможности прекращения или приостановления его действия. Однако оратор задает вопрос, должен ли характер и масштаб вооруженного конфликта являться фактором определения намерения сторон на момент заключения договора, поскольку такое намерение предшествует конфликту.

4. В отношении проекта статьи 6 делегация Исламской Республики Иран поддерживает выводы Специального докладчика, согласно которым предположение о том, что какой-либо международный договор, образующий один из элементов спора, аннулируется просто потому, что он формирует часть "причин" возникновения вооруженного конфликта, является неприемлемым и что не существует оснований для того, чтобы полагать, будто договор, послуживший причиной возникновения вооруженного конфликта и впоследствии ставший предметом определенного процесса в соответствии с правом, должен считаться аннулированным.

5. В пункте 2 проекта статьи 7 указан ряд категорий международных договоров, объект и цель которых сопряжены с необходимым условием, согласно которому они продолжают действовать во время вооруженного конфликта. Однако в пункте 2 b) указываются только договоры, объявляющие, устанавливающие или регулирующие постоянные права или постоянный режим или статус. Было бы предпочтительнее привести в этом пункте четкий перечень типов соглашений соответствующей категории, которые упоминались в докладе Специального докладчика, в частности договоры, устанавливающие или изменяющие границы, которые играют важную роль в обеспечении стабильности международных отношений.

6. Совершенно очевидно, что не следует ставить знак равенства между государством, действующим в порядке осуществления права на самооборону, и государством, совершающим акт агрессии. В практике государств акт агрессии, являющийся противоправным деянием, не может иметь правовых последствий. Проект статьи 10 в его нынешней форме можно интерпретировать как предоставляющий государству-агрессору право приостановить или прекратить действие определенных договоров и тем самым оказывающий содействие этому государству в совершении противоправного деяния. Таким образом, в проект статьи должны быть внесены поправки, с тем чтобы привести его в соответствие со статьями об ответственности государств за международно противоправные деяния, предназначенными именно для того, чтобы положить конец таким деяниям.

7. Исламская Республика Иран не может мириться с каким бы то ни было положением, которое может способствовать агрессору в достижении его агрессивных целей. Однако будет вполне логичным оказать помощь потерпевшему государству в осуществлении им своего права на самооборону, в том числе путем приостановления или прекращения действия договоров, которые несовместимы с осуществлением этого права или могут ему препятствовать.

8. **Г-н Ма Циньминь** (Китай), обращаясь к теме "Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров", приветствует первый доклад Специального докладчика (A/CN.4/552) и меморандум, подготовленный Секретариатом по данной теме (A/CN.4/550 и Согг.1). Проекты статей имеют очень узкую сферу применения в том смысле, что они ограничиваются договорами между государствами. Вооруженные конфликты также сказываются на действии некоторых договоров, в которые вступили международные организации, поэтому эти договоры необходимо включить в сферу применения проектов статей. С другой стороны, определение термина "вооруженный конфликт" является слишком широким. Его необходимо строго ограничить международными вооруженными конфликтами; в противном случае внутренние военные действия, предпринятые государством в отношении групп мятежников, могут быть необоснованно включены в сферу применения проектов статей.

9. Делегация Китая согласна с мнением о том, что начало вооруженного конфликта *ipso facto* не прекращает или не приостанавливает действие договоров. Соблюдение этого принципа будет содействовать обеспечению стабильности в договорных отношениях. Делегация Китая также согласна с тем, что намерение государств-участников является важным критерием для определения того, должно ли действие договора быть прекращено или приостановлено в случае начала вооруженного конфликта. Однако при подписании договора государства, как правило, не выдвигают предположения и не устанавливают условия в отношении применения договора во время вооруженных конфликтов. Поэтому их намерение должно быть определено не только на основе их намерения на момент заключения соответствующего договора, но и на основе выполнения ими этого договора, в том числе в ситуации после начала вооруженного конфликта. Кроме того, характер, объект и цель договора также должны приниматься во внимание при определении намерения.

10. Что касается проекта статьи 10, то делегация Китая в полной мере понимает мнение Специального докладчика о том, что определение незаконности применения силы является вопросом, который теснейшим образом связан с политикой, и что в отсутствие такого определения, данного авторитетным органом, предоставление государству возможности оказывать влияние на действительность договора путем одностороннего утверждения о незаконности поведения другого государства неблагоприятно скажется на стабильности международных отношений. Тем не менее законность применения силы действительно оказывает воздействие на договорные отношения. Например, поскольку в Уставе Организации Объединенных Наций признается право государства на самооборону до принятия необходимых мер Советом Безопасности, государство при осуществлении этого права в соответствии с Уставом должно быть уполномочено частично или полностью приостановить выполнение договора, который противоречит осуществлению этого права. Необходимо более глубокое изучение этих вопросов.

11. Что касается дипломатической защиты, то делегация Китая поддерживает позицию Специального докладчика, в соответствии с которой необязательно включать доктрину "чистых рук" в проекты статей по данной теме.

12. Обращаясь к теме "Фрагментация международного права", оратор одобряет предварительные результаты, достигнутые Исследовательской группой. Изучение этой темы, в частности вопросов, касающихся нормы *lex specialis*, автономных режимов и иерархии в международном праве, имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Оно будет содействовать достижению международного консенсуса по рассматриваемым вопросам, укреплять главенство основных принципов международного права и послужит стимулом к стандартизации международной практики, способствуя тем самым установлению верховенства права для всего международного сообщества.

13. **Г-жа Линтонен** (Финляндия), выступая от имени стран Северной Европы (Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции), одобряет решение Комиссии о необходимости сконцентрировать внимание на существенных аспектах фрагментации международного права в свете Венской конвенции о праве международных договоров и оставить в стороне институциональные принципы, имеющие отношение к увеличению числа международных судов и к маневрам с выбором судебного форума. Хотя Венская конвенция предоставила богатый материал, который будет полезным при преодолении трудностей, возникающих в связи с темой фрагментации, Комиссии целесообразно разъяснить коллизионные нормы, содержащиеся в Конвенции, поскольку до сих пор им уделялось очень мало внимания. Оратор также приветствует интерес Исследовательской группы к различным правовым методам, которые можно применять и которые уже применялись международными судебными органами в целях разрешения нормативных коллизий, которые нередко возникают вследствие частичного совпадения полномочий и сферы применения. Разумеется, невозможно будет полностью устранить коллизии такого рода в мире, находящемся в процессе глобализации, где юридические труды должны не только обеспечивать согласованность и единство, но и четко описывать любые трудности, с которыми приходится сталкиваться. В связи с этим результаты работы Комиссии, по всей вероятности, будут представлять огромный интерес для юристов, практикующих в сфере международного права. Международное право, несомненно, представляет собой не случайный набор директив, а систему, фактически предназначенную для взаимосвязи между различными нормами путем правового обоснования.

14. Правомерность постулата Исследовательской группы о том, что правовой принцип *lex specialis derogat legi generali* не приведет к аннулированию или полной замене общего права, была подтверждена консультативным заключением Международного Суда по делу о *законности угрозы ядерным оружием или его применения*, а также его консультативным заключением по делу о *правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории*.

15. Страны Северной Европы выражают признательность за внимание, уделяемое запрещенным *lex specialis*, то есть ситуациям, в которых отступления от общего закона не допускаются, поскольку он принял форму *jus cogens* или был заключен в пользу третьих сторон, включая физических лиц. Хотя в случаях, когда многосторонние договоры создают целостный или независимый режим или когда последующая практика сторон ясно свидетельствует о том, что освобождение от обязательств недопустимо, могут возникнуть осложнения, статья 311 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву указывает на всеобщее нежелание изменять целостные режимы, которые обеспечивают четкую сбалансированность прав и обязанностей различных государств. Аналогичным образом, при проведении переговоров относительно пересмотра Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, сохранение согласованности юрисдикционного режима по морскому праву считалось слишком важным для того, чтобы допустить какие-либо исключения в отношении реализации принципа, в соответствии с которым государство флага судна сохраняет исключительную юрисдикцию над ним, пока судно находится в открытом море, несмотря на тот факт, что большинство делегаций выступали за включение в Конвенцию новых положений относительно вступления на борт и досмотра судна в открытом море в качестве меры по борьбе с терроризмом. Несомненно, можно найти более весомые аргументы в поддержку общего вывода относительно повсеместной распространенности общего права путем более тщательного изучения концепции общего права.

16. Страны Северной Европы приветствуют предложение о необходимости отказаться от термина "автономные режимы", поскольку он вводит в заблуждение. Не столь категоричное выражение "специальные режимы" обеспечит адекватную систему для рассмотрения нового вопроса, касающегося положений о разграничении. Хотя изучение таких положений, по всей вероятности, не изменит основной вывод исследования о том, что использование специальных договорных режимов не нанесло серьезного урона

правовой безопасности, предсказуемости или равенству субъектов права, страны Северной Европы отметили озабоченность Комиссии по поводу того, что такие положения иногда могут нарушать логическую стройность договора, и поэтому важно обеспечить, чтобы они не использовались для лишения договора его объекта и цели.

17. Изучение толкования договоров в свете любых соответствующих норм международного права, применяемых в отношениях между участниками [пункт 3 с) статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров], предоставляет ценную возможность разобраться в сути вопроса, касающегося довольно частотного обращения к такому образу действий со стороны судебных органов в последние годы. По существу, можно сказать, что ни одна конвенция не действует в вакууме и что общее право продолжает заполнять пробелы, касающиеся ряда аспектов договорного режима, по поводу которых не были сформулированы прямые положения. Поскольку существует очень мало договоров, способных охватить исчерпывающим образом все аспекты в регулируемой ими сфере, и поскольку проблемы и угрозы, обуславливающие необходимость международного сотрудничества, все больше зависят друг от друга, роль иных норм в толковании и осуществлении положений международных документов становится все более важной. В то же время очевидно, что более широкое толкование не должно приводить к попыткам переписать обсуждаемый договор и что необходимо соблюдать другие нормы толкования договора. В связи с этим страны Северной Европы приветствуют рассмотрение роли обычного права и общих правовых принципов. Примеры из области прецедентного права, представленные Комиссией в ее докладе (A/60/10), создают впечатление, что международные судебные органы на самом деле ясно осознают риски фрагментации и стремятся содействовать последовательному и согласованному применению права. Эта же мысль была высказана в сентябре представителем Европейского суда в его обращении к Комитету юрисконсульты по международному публичному праву Совета Европы.

18. Изучение иерархии в международном праве – *jus cogens*, обязательств *erga omnes* и статьи 103 Устава Организации Объединенных Наций как коллизионных норм – не только имеет большое теоретическое значение, но и представляет практический интерес, как показал недавний правовой спор относительно совместимости мер по борьбе с терроризмом с нормами в области прав человека. В соответствии с этим исследованием *jus cogens* представляет собой единственный пример подлинной иерархии в международном праве, так как взаимосвязь между обязательствами государств – членов Организации Объединенных Наций в соответствии с Уставом и их иными обязательствами описывается как квазиерархия. В исследовании утверждается, что понятие *erga omnes* имеет отношение не к иерархической взаимосвязи, а к объему изучаемых горизонтальных обязательств. В исследовании были рассмотрены возможные коллизии между различными нормами и обязательствами в соответствии с международным правом, и, как представляется, было признано верным весьма распространенное мнение о том, что даже исключительно широкие полномочия Совета Безопасности ограничены императивными нормами международного права. Ряд наблюдений, сделанных в ходе исследования, имеют чрезвычайно большое практическое значение, как и решение ограничить исследование рассмотрением трех тем в качестве коллизионных норм. Однако было бы интересно расширить область исследования, включив в него понятие нормативной коллизии и анализ того, охватывает ли оно отрицательное ограничение данной императивной нормы и положительное ее ограничение в смысле создания специальных норм, расширяющих защиту, обеспечиваемую императивной нормой.

19. Хотя страны Северной Европы считают, что работа по теме фрагментации ведется в правильном направлении, они сожалеют, что документы для обсуждения Исследовательской группы отсутствуют на веб-сайте Комиссии. Они высказывают одобрение в связи с тем, что Комиссия концентрирует свое внимание на уточнении коллизионных норм, содержащихся в Венской конвенции о праве международных договоров, и заново пересматривает статью 55 относительно *lex specialis*, входящую в состав статей об ответственности государств за международно противоправные деяния. Они высоко оценивают тот факт, что Комиссия и ее Исследовательская группа взаимодействовали с международными судебными учреждениями, с тем чтобы получить представление о характере трудностей, вызванных коллизиями норм, и путях разрешения таких трудностей на практике. Итоговые результаты работы Комиссии по данной теме должны теоретически отражать ее практическую ориентированность при сохранении анализа, представленного в базовых исследованиях. Единый документ, состоящий из аналитического раздела и краткого свода практических выводов, как представляется, будет служить обеим целям. Таким образом, страны Северной Европы

приветствуют намерение Исследовательской группы представить проекты обоих документов для их принятия Комиссией на ее пятьдесят восьмой сессии.

20. **Г-н Хернес** (Норвегия), выступая от имени стран Северной Европы (Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции), говорит, что они дадут письменный ответ на запрос относительно замечаний по проектам статей о дипломатической защите до установленного срока 1 января 2006 года. При этом они в целом удовлетворены предложенной направленностью проектов статей и конечным результатом, предусмотренным Специальным докладчиком. Страны Северной Европы поддерживают посылку, в соответствии с которой государства имеют скорее право, нежели обязанность осуществлять дипломатическую защиту. Кроме того, они полагают, что принципы и нормы дипломатической защиты используются без ущерба для закона о консульской защите и других применимых норм международного права, включая нормы, имеющие отношение к морскому праву.

21. В соответствии с проектом статьи 5 непрерывное гражданство представляет собой необходимое условие для осуществления дипломатической защиты. Спорным является вопрос о том, должно ли это необходимое условие применяться до разрешения спора или даты вынесения судебного решения или только до официального предъявления требования. На практике может быть очень трудно установить точное время разрешения спора. Поэтому страны Северной Европы поддерживают подход Комиссии, в соответствии с которым государство может осуществлять дипломатическую защиту в отношении лица, которое являлось его гражданином как на момент причинения вреда, так и на момент официального предъявления требования.

22. Страны Северной Европы решительно поддерживают подход Комиссии в отношении проекта статьи 7. В случаях множественного гражданства государство, гражданство которого является преобладающим как на момент причинения вреда, так и на момент официального предъявления требования, должно иметь право осуществлять дипломатическую защиту против другого государства гражданства соответствующего лица. Данный проект статьи представляет собой кодификацию существующего обычного международного права. В целях определенности следует добавить: эта норма не имеет отношения к возможности предоставления консульской помощи, что не регулируется законом, касающимся дипломатической защиты. Страны Северной Европы выражают особое удовлетворение в связи с тем, что Комиссия включила положение о дипломатической защите в определенных случаях лиц без гражданства и беженцев, отвергая таким образом ранее бытовавшие мнения о том, что государство должно осуществлять дипломатическую защиту только своих граждан. Очень важно иметь возможность предоставлять дипломатическую защиту таким уязвимым категориям лиц.

23. Страны Северной Европы поддерживают гибкий подход, продемонстрированный в комментариях к проекту статьи 8, в которой устанавливается, что термин "беженец" не обязательно ограничивается лицами, подпадающими под определение, содержащееся в Конвенции о статусе беженцев и Протоколе к ней. Они считают, что государство может предоставлять дипломатическую защиту лицам, которые удовлетворяют требованиям территориальной связи с этим государством и которые, по мнению этого государства, несомненно нуждаются в защите, но при этом не обязательно имеют формальное право на предоставление им статуса беженцев. Что касается предложения о том, что для получения права на дипломатическую защиту лица без гражданства или беженцы должны законно и обычно проживать в государстве, осуществляющем дипломатическую защиту, на момент причинения вреда и в день официального предъявления требования, то страны Северной Европы считают данное требование слишком обременительным. Во многих случаях, когда требуется эффективная дипломатическая защита, вред может быть причинен до того, как соответствующее лицо въехало на территорию государства, осуществляющего дипломатическую защиту. Поэтому предлагаемый критерий следует изменить. Комиссия должна рассмотреть вопрос о замене фразы "которое законно и обычно проживает" в проекте статьи 8 на фразу "законно проживающее", как это сформулировано в статье 28 Конвенции о статусе беженцев в отношении выдачи беженцам проездных документов.

24. Что касается осуществления дипломатической защиты от имени акционеров, то страны Северной Европы приветствуют тот факт, что Комиссия обеспечивает полную согласованность с прецедентным правом Международного Суда на основе дела *Барселона трэкинг*. Страны Северной Европы также полностью поддерживают подход, продемонстрированный в проекте статьи 19, согласно которой право государства флага судна на осуществление дипломатической защиты не исключает возможности осуществления этого же права

государством гражданства членов экипажа судна, и наоборот. Это решение обеспечивает условия для того, чтобы важные защитительные меры, установленные морским правом, не были подорваны. В отношении доктрины "чистых рук" страны Северной Европы придерживаются мнения о том, что она не должна быть включена в проекты статей.

25. Оратор призывает Комиссию без промедления перейти к утверждению статей во втором чтении. Кроме того, страны Северной Европы считают, что положения о дипломатической защите в недалеком будущем должны быть приняты в форме конвенции, что повысит определенность и предсказуемость в значимой сфере права.

26. **Г-н Бюлер** (Австрия) говорит, что делегация Австрии поддерживает мнение Специального докладчика о том, что в проектах статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров не должны рассматриваться вопросы, касающиеся правомерности вооруженных конфликтов. Вместе с тем делегация Австрии не разделяет мнение, согласно которому проекты статей должны быть также применимы к вооруженным конфликтам немеждународного характера. Нередко бывает сложно провести различие между международными вооруженными конфликтами и вооруженными конфликтами немеждународного характера, число которых намного превосходит число международных конфликтов; тем не менее проекты статей должны регулировать правовые последствия только международных вооруженных конфликтов, учитывая тот факт, что в соответствии с подпунктом а) проекта статьи 2 договоры по определению представляют собой международные соглашения. Расширение сферы применения проектов статей, позволяющее охватить немеждународные конфликты, неизбежно поднимет вопрос о том, каким образом эти конфликты должны быть определены и как другое государство – участник договора может удостовериться в том, существует ли такой конфликт. Возникающая при этом неопределенность будет противоречить цели стабильности и предсказуемости международных отношений.

27. Понятие, лежащее в основе проекта статьи 3, является отправной точкой для всего свода проектов статей, следовательно, его необходимо сохранить. В отличие от этого проект статьи 4 вызывает ряд вопросов. Ее текст предполагает, что намерение сторон должно определяться главным образом исходя из текста договора. Если это так, можно задать вопрос, почему этот текст не должен содержать прямую ссылку на содержание договора, а также на его объект и цель, вместо того чтобы следовать круглым путем, ссылаясь на намерение сторон. Еще один вопрос возникает в связи с основными последствиями вооруженных конфликтов для международных договоров. Хотя в проекте статьи содержится ссылка на возможность приостановления или прекращения действия договоров, ни в одном из последующих положений не дается четкого определения их правовых последствий. В целях обеспечения ясности необходимо доработать данный проект статьи. Учитывая сложность этого вопроса, проект статьи можно разбить на несколько положений.

28. Делегация Австрии представит письменные замечания по теме "Дипломатическая защита". При этом делегация поддерживает мнение, согласно которому доктрину "чистых рук" не следует включать в проекты статей. Помимо связанных с ней сложных теоретических вопросов она, вне всяких сомнений, недостаточно закреплена в международном общем праве, для того чтобы рассматриваться как устоявшаяся норма обычного права. Ни один из судебных органов глобального значения никогда не ссылался на эту доктрину в качестве подтверждения, несмотря на то что несколько государств требовали ее применения. Кроме того, неясно, войдет ли данная доктрина, если она существует как общепринятая норма обычного международного права, в сферу осуществления дипломатической защиты. Как указано в шестом докладе Специального докладчика (A/CN.4/546), ее можно рассматривать как препятствие, делающее требование неприемлемым; а это, несомненно, выходит за рамки рассматриваемого вопроса.

29. В связи с темой "Фрагментации международного права" делегация Австрии весьма высоко оценивает работу Исследовательской группы. Выбор отдельных пунктов и формы заключительного доклада был осуществлен надлежащим образом. Обсуждения выявили наличие коллизионных норм в сфере обеспечения международного порядка и отсутствие правовых актов, позволяющих разрешать возможные коллизии. Делегация Австрии также поддерживает позицию, в соответствии с которой регионализм является лишь отдельным подпунктом общего вопроса *lex specialis*. Что касается исследования толкования договоров, при котором учитываются "любые нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками"

согласно пункту 3 с) статьи 31 Венской конвенции, то делегация Австрии разделяет мнение о том, что статья 31 имеет отношение не только к международному договорному праву, но и к обычному праву и общим принципам права. Тем не менее последние две категории имеют ограниченное действие. Поскольку их назначение заключается в обеспечении толкования положений договора, они не могут ни сузить сферу применения, ни изменить правовую суть таких положений. Цель "системной интеграции", подтвержденная Исследовательской группой, представляется приемлемым компромиссом для преодоления проблем, возникающих в этом контексте.

30. Что касается вопроса об иерархии в международном праве, то делегация Австрии приветствует подход Исследовательской группы, особенно проявленную ею настойчивость в вопросе необходимости четкого разграничения между юридическим действием статьи 103 Устава Организации Объединенных Наций и действием императивных норм. В отношении обязательств *erga omnes* делегация Австрии разделяет мнение о том, что данный вопрос выходит за рамки проблемы иерархий. С другой стороны, делегация Австрии желает знать, охватывает ли данная тема связь между первичными и вторичными нормами международной организации.

31. **Г-н Ким** Сун-пио (Республика Корея), отвечая на вопросы, поставленные Комиссией в отношении темы "Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров", говорит, что в настоящее время Комиссии следует ограничить сферу своей деятельности соглашениями между государствами. Отображение правовых последствий вооруженных конфликтов между государствами для действия соглашений между организациями или между организациями и государствами в проектах статей сделает их еще более сложными и, возможно, не поддающимися контролю. Необходимо дальнейшее исследование практики в этом отношении.

32. Что касается определения термина "вооруженный конфликт", то будет достаточно, если Комиссия просто укажет основные признаки вооруженных конфликтов, где это необходимо для контекста. Определение данного понятия будет затрагивать две разные отрасли права – международное договорное право и международное гуманитарное право, и для Комиссии было бы излишним при рассмотрении данной темы в соответствии с положениями международного договорного права пытаться кодифицировать понятие, которое будет далее разрабатываться в сфере международного гуманитарного права. Определение термина "вооруженный конфликт" разрабатывалось в области соответствующей судебной практики, включая решение по делу *Тадича* Апелляционной камеры Международного трибунала по бывшей Югославии и решение Международного Суда по делу о *военной и полувоенной деятельности в Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки)*. В отношении преемственности договоров вопросы Комиссии основываются на предположении о том, что такая преемственность была утверждена как принцип международного права. С точки зрения его делегации, на этот счет требуются дополнительные разъяснения.

33. В отношении проектов статей делегация Республики Корея интересуется, охватывает ли термин "вооруженный конфликт" в проектах статей 1 и 2 все возможности в полной мере. Прежде всего, следует определить, войдут ли в сферу охвата данной темы все ситуации, подпадающие под действие норм международного гуманитарного права. Термин "вооруженный конфликт" может не совсем точно отражать ситуацию, учитывая, что другие формы военных действий – от обычной объявленной войны до оккупации без вооруженного сопротивления или борьбы против колониального господства, иностранной оккупации или расистских режимов – также могут сказываться на действии международных договоров. Если подразумевается, что проекты статей охватывают все подобные обстоятельства, то термин "военные действия", который появляется в статье 73 Венской конвенции о праве международных договоров, возможно, является более подходящим вариантом. Кроме того, в определении термина "вооруженный конфликт" в проекте статьи 2 b) не учитывается тот факт, что воюющие стороны часто с неохотой признают состояние войны.

34. Нет необходимости представлять проект статьи 3 как отдельную статью, поскольку содержащееся в нем положение о том, что вооруженный конфликт *ipso facto* не прекращает или не приостанавливает действие договоров, подразумевается проектами статей 4–7. В этом контексте оратор подчеркивает, что намерение сторон договора часто бывает неясным или недоказуемым. Таким образом, использование такого намерения в качестве критерия может быть недостаточным, для того чтобы внести определенность в отношении

прекращения или приостановления действия договоров. В связи с этим статью 4 можно усовершенствовать, включив в нее элементы проектов статей 5 и 7, такие как прямые положения и объект и цель договоров.

35. Пункт 2 проекта статьи 5, касающийся полномочий государств в период вооруженного конфликта, представляется не имеющим отношения к данной статье. В целях обеспечения большей ясности этот пункт следует выделить в отдельную статью.

36. Что касается пункта 2 проекта статьи 7, то список договоров, продолжающих действовать во время вооруженного конфликта, требует дальнейшего рассмотрения. Необходимы более четкие данные о практике государств и прецедентном праве для обоснования включения большинства категорий договоров, указанных в этом пункте. Например, применимость договоров, касающихся защиты прав человека или окружающей среды, во время вооруженного конфликта должна устанавливаться с учетом норм международного гуманитарного права. В отношении таких договоров не было определено, что они продолжают действовать в полной мере во время вооруженного конфликта, тогда как международное гуманитарное право также обязывает воюющие стороны соблюдать положения о защите прав человека и окружающей среды. Заслуживает внимания тот факт, что в своем консультативном заключении по делу о *законности угрозы ядерным оружием или его применения* Международный Суд отмечает, что вопрос о том, является ли применение определенных видов оружия в военных действиях нарушением положений документов в области прав человека, можно решить только исходя из норм права, применимого к вооруженному конфликту, а не путем выводов из условий самих документов в области прав человека.

37. Необходимо заново пересмотреть проект статьи 10 и пункт 1 проекта статьи 6. В проекте статьи 10 предлагается обеспечить равенство подходов к сторонам вооруженного конфликта независимо от законности применения силы, как в случае международного гуманитарного права, тогда как проект статьи 6 подразумевает, что спор по поводу толкования или статуса договора может составлять основу для вооруженного конфликта без вынесения решения о законности такого конфликта. Необходимо достичь консенсуса в вопросах о том, следует ли проводить различие между государствами, прибегающими к неправомерному применению силы, и другими государствами и должны ли рассматриваемые вооруженные конфликты соответствовать критериям международного права.

38. В отношении темы "Дипломатическая защита" значение доктрины "чистых рук" заключается в том, что при ее применении государство не может осуществлять право дипломатической защиты в отношении своего гражданина, если этот гражданин совершил противоправное деяние. Некоторые толкователи утверждают, что данная доктрина не сильно отличается от общего принципа добросовестности в контексте международных отношений между государствами. Более того, они заявляют, что эта доктрина оказывает незначительное практическое воздействие на общие нормы международной ответственности. Однако при формулировании этого довода не учитываются базовый характер и назначение дипломатической защиты. Во-первых, правовая фикция данной доктрины заключается в том, что причинение вреда гражданину приравнивается к причинению вреда самому государству. Таким образом, осуществление государством права дипломатической защиты происходит из его неотъемлемого права как государства, а не из его статуса агента гражданина. Следовательно, недопущение осуществления государством своего права ввиду вины его гражданина не имеет отношения к современному международному праву. Во-вторых, не существует четких оснований в поддержку применимости доктрины "чистых рук" в отношении случаев дипломатической защиты. Международные суды, включая Международный Суд Организации Объединенных Наций, заявили, что данной доктрине не отводится специального места в требованиях, касающихся дипломатической защиты. Наконец, данная доктрина может противоречить нормам *jus cogens* международного права, установленным Венской конвенцией о консульских сношениях. Если в проекте статьи поддерживается доктрина "чистых рук", право государства на консульское представительство граждан, которым был причинен вред в зарубежной стране, может оказаться под угрозой. Поэтому Специальный докладчик был прав, делая вывод о том, что данная доктрина неприменима, поскольку не является релевантной в контексте дипломатической защиты и ввиду отсутствия основания или прецедента для ее поддержки.

39. **Г-жа Швачёфер** (Нидерланды), обращаясь к теме "Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров", говорит, что правительство Нидерландов разделяет мнение о том, что было бы

преждевременным представлять проекты статей редакционному комитету или создавать рабочую группу. Оно считает правильным предложение о том, что преемственность договорных обязательств при вооруженном конфликте должна поддерживаться в случаях, когда не существует подлинной необходимости в приостановлении или прекращении действия договора, и что при формулировании проектов статей следует использовать прагматичный подход для принятия решения о том, является ли приостановление или прекращение действия договора фактически необходимым.

40. В отношении вопроса о том, должны ли проекты статей охватывать только договоры, действующие во время вооруженного конфликта, или наряду с ними договоры, которые еще не вступили в силу, поскольку статья 25 Венской конвенции о праве международных договоров допускает временное применение договоров, представляется целесообразным, чтобы проекты статей относились к договорам, которые применяются на временной основе.

41. Что касается сферы применения проектов статей, и в частности вопроса о том, следует ли включать в них договоры, вступившие в силу во время вооруженного конфликта, оратор говорит, что, несмотря на неточную формулировку пункта 1 проекта статьи 7, поскольку такие договоры скорее не остаются в силе во время вооруженного конфликта, а вступают в силу во время такого конфликта, тем не менее было бы полезно включить такие договоры в сферу применения проектов статей. Договоры в сфере международного гуманитарного права охватывают широкий диапазон тем, и их положения должны вводиться в действие, за исключением случаев, когда сделать это на самом деле невозможно.

42. Предложение об исключении определения вооруженного конфликта, содержащегося в пункте b) проекта статьи 2, возможно, следует подвергнуть дальнейшему анализу. Государства иногда неохотно признают, что они принимают участие в вооруженном конфликте. Поэтому наличие вооруженного конфликта должно определяться при помощи правового критерия, применяемого в отношении фактической ситуации, и не должно зависеть от признания его существования участниками данного конфликта. По этой причине полезно было бы включить определение термина "вооруженный конфликт" в проекты статей.

43. Если же проекты статей включают определение термина "вооруженный конфликт", то это определение должно охватывать и вооруженные конфликты немеждународного характера, поскольку подобные конфликты также могут влиять на способность государств выполнять свои договорные обязательства. Подавляющее большинство вооруженных конфликтов имеют немеждународный характер, и проекты статей должны быть сформулированы таким образом, чтобы способствовать применимости этих статей. Возможно, целесообразно будет использовать определение, сформулированное Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии в деле *Тадича*, которое было воспроизведено в пункте 140 доклада Комиссии и преимущество которого заключалось в охвате как международных, так и немеждународных конфликтов.

44. Поскольку существует тенденция более не рассматривать международные и немеждународные вооруженные конфликты как коренным образом различающиеся и поскольку многие из норм, разработанных в целях разрешений международных вооруженных конфликтов, применимы к вооруженным конфликтам немеждународного характера, возможно, не следует разграничивать эти два вида конфликтов. В соответствующее определение необходимо включить ситуации военной оккупации, даже если они не сопровождались длительным применением вооруженного насилия или военными действиями, поскольку оккупированное государство не всегда может выполнять свои договорные обязательства. Кроме того, такой подход согласуется с соответствующими положениями международного гуманитарного права, и в частности с общей статьей 2 четырех Женевских конвенций 1949 года, которая является *lex specialis* в этой сфере. Если такая оккупация обоснованно влечет за собой применимость норм, касающихся вооруженных конфликтов, то она также повлечет за собой применимость проектов статей в отношении последствий вооруженных конфликтов для международных договоров. В этом смысле решение Специального докладчика ссылаться на международное гуманитарное право как *lex specialis* в пункте 1 статьи 5 заслуживает поддержки.

45. Что касается проекта статьи 3 относительно прекращения или приостановления *ipso facto*, то правительство Нидерландов поддерживает предложение, в соответствии с которым позицию третьих сторон следует разъяснить в тексте статьи, отмечая, что будут применяться обычные нормы Венской конвенции о

праве международных договоров, такие как нормы, касающиеся коренного изменения обстоятельств и последующей невозможности выполнения. В этом отношении заслуживает изучения предложение о включении в комментарий списка прямо применимых договоров в случае вооруженного конфликта. Правительство Нидерландов с интересом ожидает предложений Специального докладчика относительно переработки проекта статьи 10 о законности поведения сторон.

46. Обращаясь к теме "Дипломатическая защита", оратор говорит, что правительство Нидерландов в целом поддерживает подготовленные по ней проекты статей. Правительство страны обратило внимание на то, что вопрос об оказании консульской помощи был исключен из проектов статей, и полагает, что для обеспечения ясности это должно прямо оговариваться в комментарии. Оно также полностью одобряет позицию, выраженную Специальным докладчиком в его пятом докладе, согласно которой нормы обычного международного права в отношении дипломатической защиты и не так давно сформулированные принципы, регулирующие защиту прав человека, дополняют друг друга и в конечном счете служат общей цели защиты прав человека (A/CN.4/538, пункт 37).

47. В проекте статьи 1 слова "его гражданином" по определению и сфере применения являются ограничительными, так как сфера применения была расширена в последующих статьях, например в статье 8 о лицах без гражданства и беженцах. В связи с этим можно переформулировать пункт 1 статьи 3 следующим образом, с тем чтобы уделить больше внимания отдельному лицу: "Государство гражданства является государством, имеющим право осуществлять дипломатическую защиту". В проекте статьи 5 о непрерывном гражданстве речь также идет о положении отдельного лица. Правительство Нидерландов поддерживает лежащую в основе этой статьи идею о защите отдельного лица от любой несправедливости, которая в противном случае могла бы иметь место, и поэтому полагает, что в пункте 3 слова "дипломатическая защита не осуществляется" должны быть заменены словами "дипломатическая защита может не осуществляться", поскольку такая формулировка в большей степени соответствует дискреционному полномочию государства на осуществление дипломатической защиты, а также терминологии, используемой в проектах статей 7 и 14.

48. Правительство Нидерландов приветствует включение проекта статьи 8 о дипломатической защите лиц без гражданства и беженцев в свод проектов статей. Пункт 2 комментариев, касающийся дипломатической защиты беженцев, особенно важен, поскольку защита, предоставляемая государством, в котором они проживают, имеет решающее значение для лиц, которые не могут или не хотят воспользоваться защитой государства гражданства или рискуют утратить статус беженцев в государстве пребывания в случае, если они сделают это.

49. В отношении дипломатической защиты юридических лиц, таких как корпорации, при составлении проектов статей может быть полезно по-новому взглянуть на сравнительное корпоративное право и современное глобальное экономическое развитие. Проект статьи 9 о государстве национальности корпорации в существующей формулировке исключает возможность двойной национальности для корпораций, однако такие корпорации существуют в Нидерландах. Много было сказано о степени исчерпания внутренних средств правовой защиты, которая должна быть достигнута до того, как может быть осуществлена дипломатическая защита. Тем не менее никакие усилия по кодификации не позволяют разработать абсолютную норму, которая позволяла бы урегулировать все ситуации. Поэтому правительство Нидерландов предлагает добавить следующий текст в комментарий к статье 14: «Не требуется предварительного исчерпания внутренних средств правовой защиты для применения дипломатических мер до предъявления международного требования. См. Свод норм права Соединенных Штатов в области внешних сношений (третье издание, 1987), пункт 703, комментарий d: "Неспособность лица исчерпать внутренние средства правовой защиты не является препятствием к неофициальной интерцессии со стороны государства в отношении гражданина"». Что касается внутренних средств правовой защиты, то не следует проводить разграничение между юридическим и фактическим отказом.

50. Что касается проекта статьи 17, то следует исключить слова "по международному праву", изменив формулировку данного проекта статьи следующим образом: "Настоящие проекты статей не затрагивают право государств, физических лиц или других субъектов осуществлять действия или процедуры иные, нежели

дипломатическая защита, для обеспечения возмещения вреда, причиненного в результате международно противоправного деяния".

51. Оратор выражает согласие со Специальным докладчиком в вопросе о доктрине "чистых рук". Незначительное число случаев, на которые распространяется действие дипломатической защиты, не является достаточной практикой для обоснования кодификации, и ее включение не может быть оправдано как мероприятие по обеспечению прогрессивного развития международного права.

52. **Г-н Гонсалес-Кампос** (Испания) говорит, что тема "Фрагментация международного права", по признанию самой Комиссии, сильно отличается от других тем, которые Комиссия проанализировала к настоящему времени. Принимая во внимание тот факт, что в прошлом Комиссия занималась кодификацией и обеспечивала прогрессивное развитие международного права путем формулирования проектов статей в определенных областях, в сфере фрагментации она предлагает провести анализ международной правовой системы в целом и изучить взаимосвязь между различными категориями международного права. Несмотря на то что итоговые исследования, несомненно, будут представлять огромный теоретический интерес с позиции доктрины, во всех случаях являющейся стимулом для работы Комиссии, включение такой общей темы теоретического характера поставит Комиссию в сложное положение. По этой причине некоторые члены Комиссии и Шестого комитета в предыдущие годы выражали сомнение по поводу целесообразности рассмотрения данной темы.

53. Делегация Испании имеет оговорки как в отношении выбора аспектов, которые надлежит изучить, так и в отношении результатов работы Комиссии, которых предлагается достичь. Не может быть каких-либо принципиальных возражений против исследования отношений между общими международными нормами и *lex specialis*, поскольку этот вопрос представляет собой суть проблемы расширения международной правовой системы и ее результирующего потенциала для "фрагментации". Однако исследование иерархии в международном праве или более высокого статуса определенных международно-правовых норм, в частности *jus cogens*, обязательств *erga omnes* и статьи 103 Устава Организации Объединенных Наций, поднимает определенные вопросы. Вышеупомянутые нормы не являются однородными; обязательства *erga omnes* имеют характерные особенности, связанные с их функционированием в международной правовой системе. Несмотря на то что в большей части литературы по вопросам права поддерживается мнение о том, что иерархия в международном праве является необоснованной, маловероятно, что Комиссии удастся достичь удовлетворительных и приемлемых для всех результатов в данной области.

54. В дополнение к этому Исследовательская группа решила изучить три аспекта фрагментации, связанные с определенными положениями Венской конвенции о праве международных договоров, а именно статью 30, пункт 3 с) статьи 31 и статью 41. Делегация Испании имеет серьезные оговорки в отношении целесообразности рассмотрения этих аспектов в ситуации наличия множества других вопросов о взаимосвязи норм в рамках международной правовой системы, которые заслуживают рассмотрения, например таких, как интеграция, взаимодополняемость, заменяемость или коллизия норм. Кроме того, данный выбор сопряжен с определенными рисками.

55. Делегация Испании также высказывает оговорки по поводу предлагаемого диапазона результатов работы Комиссии. Намерение Исследовательской группы заключалось в получении результатов, которые будут иметь прикладное значение для практикующих юристов и примут форму серии исследований и ряда выводов, предназначенных для того, чтобы служить в качестве руководящих положений практического характера. Сущность проблемы, по мнению делегации Испании, заключается в потенциальной сфере применения или воздействии руководящих положений практического характера. Для того чтобы руководящие положения имели практическое значение, они должны быть полными, а такой цели очень трудно достичь как в аспекте взаимосвязи общих правовых норм и *lex specialis*, так и в аспекте иерархии правовых норм. В случае если руководящие положения оказываются неполными, возникает вопрос, целесообразно ли для Генеральной Ассамблеи рекомендовать их к применению или ей придется ограничиться простым принятием к сведению работы Комиссии по данной теме.

56. Кроме того, если руководящие положения практического характера должны представлять собой толкование Комиссией вышеуказанных положений Конвенции, которое, несомненно, является обоснованным, они, тем не менее, могут противоречить пунктам 2 и 3 статьи 31 о толковании договора. Они не станут частью контекста договора (пункт 2) или любого из дополнительных средств толкования, указанных в пункте 3, не будучи ни последующим соглашением между сторонами относительно толкования договора, ни последующей практикой в области применения договора, ни соответствующими нормами международного права, применимыми в отношениях между сторонами. Проще говоря, руководящие положения практического характера не будут иметь отношения к сторонам, обладая при этом весьма неопределенным статусом.

57. Наряду с этим существует риск, что руководящие положения практического характера, применяемые государствами после их утверждения, могут привести к последующей практике, итогом которой может стать частичное изменение норм, содержащихся в Венской конвенции, то есть результат, который представляется нежелательным. Возможность изменения договоров последующей практикой была предложена в статье 38 проектов статей по договорному праву, одобренных Комиссией, но была отклонена Конференцией Организации Объединенных Наций по праву договоров как создающая неопределенность в договорных отношениях. Эта опасность, возможно, не была учтена Исследовательской группой, поскольку она предлагала дополнить положения Венской конвенции по вопросу "интертемпоральности", ссылаясь на пункт 3 с) статьи 31, и в отношении случаев, не рассматриваемых в статье 30. Необходимо задать вопрос, не изменят ли руководящие положения практического характера в случае их применения государствами положения Венской конвенции, пусть даже только путем их дополнения.

58. Таковы основные оговорки делегации Испании в момент, когда Комиссия вступает в *terra incognita* формулирования "руководящих положений практического характера" вместо проектов статей, и делегация будет внимательно следить за результатами работы Комиссии при их представлении в следующем году, чтобы установить, были ли приняты во внимание высказанные ею опасения.

59. **Г-н Г.П. Сингх** (Индия) одобряет успехи, достигнутые Комиссией в отношении темы "Ответственность международных организаций", и выражает согласие со Специальным докладчиком в том, что противоправное деяние международной организации может заключаться либо в действии, либо в бездействии. В пункте 2 статьи 8 поднимается спорный вопрос о том, все ли обязательства, вытекающие из правил организации, должны считаться международными обязательствами. Правительство Индии придерживается мнения, что рассматриваемый пункт неприменим к нормам, являющимся по своему характеру просто процедурными или административными. В некоторых случаях определение ответственности организации на основе ее собственных правил может привести к заключению, в соответствии с которым государства-члены, определившие политику организации, несут коллективную ответственность.

60. Статья 15 охватывает ряд сложных вопросов, которые частично дублируют друг друга. Необходимо будет внимательно изучить прецеденты при принятии решения о том, следует ли возлагать ответственность на международную организацию в случае, если она требует от своих государств-членов совершить международно противоправное деяние. В пункте 1 статьи 15 поднимается вопрос о том, будет ли решение международной организации, обязывающее государство, являющееся ее членом, совершить деяние, которое будет считаться международно противоправным в случае его совершения самой этой организацией, полностью освобождать это государство от ответственности. Данный вопрос требует дальнейшего глубокого изучения. Рассуждая логически, действие, совершенное государством по распоряжению международной организации, которое нарушает международно-правовые обязательства этого государства и этой организации, должно повлечь ответственность как организации, так и государства в соответствии с международным правом. Пункт 2 статьи 15 также требует серьезных размышлений в связи с разнообразием международных организаций и их полномочий.

61. Кроме того, сложная природа международных организаций и их различающиеся полномочия делают обобщения невозможными. Для Генеральной Ассамблеи может оказаться целесообразным следование линии поведения, которой она придерживалась в отношении статей об ответственности государств за международно противоправные деяния; другими словами, она может принимать к сведению проекты статей об ответственности международных организаций, но не утверждать их как правовой документ, обязательный к

исполнению. Комиссии следует проявлять осторожность при проведении могущих оказаться неуместными аналогий с ответственностью государств в целях разработки принципов, применимых к международным организациям.

62. В отношении темы "Общие природные ресурсы" одна из трудностей, присущих проектам статей о трансграничных водоносных горизонтах, которые были представлены Специальным докладчиком в его третьем докладе (A/CN.4/551 и Corr.1 и Add.1), заключается в том, что они были составлены по модели положений Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1977 года, которая касалась поверхностных вод и не затрагивала грунтовые воды. Кроме того, проекты статей не поддерживаются в достаточной мере практикой государств. Применение принципа справедливого использования, который был включен в Конституцию 1977 года при разработке режима в отношении грунтовых вод, было бы неуместным, поскольку права прибрежного государства играют не столь очевидную роль в том, что касается использования водных ресурсов.

63. Проект статьи 5, как представляется, аналогичен статье 5 Конвенции 1977 года, которая вызвала проблемы при обсуждении данной Конвенции в силу однотипности принципов справедливого использования и разумного использования. Поэтому применение этих двух принципов по отношению к грунтовым водам может быть нецелесообразным. Поскольку многое в отношении трансграничных водоносных горизонтов, значительно различающихся характеристик и вариантов в практике государств еще остается неизученным, наилучшим способом разрешения вопросов, связанных с системами трансграничных водоносных горизонтов, будет достижение соглашений и договоренностей применительно к конкретным условиям. Такой подход даст возможность заинтересованным государствам надлежащим образом учитывать любые другие значимые факторы. По этой причине было бы предпочтительно разработать руководящие положения, которые можно использовать в ходе переговоров по двусторонним или региональным договоренностям, а не составлять проект универсально обязательного к исполнению правового документа.

64. Что касается темы "Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров", то Специальный докладчик действовал надлежащим образом, стремясь способствовать укреплению безопасности и стабильности правоотношений между государствами с помощью подготовленных им проектов статей (A/CN.4/552), ограничивая тем самым число случаев, когда возникновение вооруженных конфликтов влечет за собой последствия для договорных отношений. Тем не менее, поскольку в отношении данной темы теория занимала доминирующее положение, а практика являлась незначительной, необходимо будет изучить практику государств в различных правовых системах, прежде чем можно будет установить какие-либо приемлемые стандарты. Определение термина "вооруженный конфликт" в проекте статьи 2 требует тщательного рассмотрения. Проект статьи 7 также является спорным и не укоренившимся в практике государств. Будет трудно достичь консенсуса в отношении ориентировочного перечня международных договоров, которые останутся в силе во время вооруженного конфликта; более того, в таких перечнях нет необходимости. Данная тема в целом все еще находится на стадии разработки. Вследствие этого требуется провести больше исследований и осуществить более детальный анализ, с тем чтобы обеспечить полное понимание сути дела.

65. **Г-жа Каменкова** (Беларусь) приветствует работу Комиссии и Специального докладчика по теме "Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров" и говорит, что делегация Беларуси разделяет мнение, в соответствии с которым начало вооруженного конфликта *ipso facto* не приостанавливает или не прекращает действие договоров. В то же время характер и масштаб вооруженного конфликта нередко делает невозможным выполнение таких договоров на практике. Однако этот факт не должен создавать законного повода для принятия решения о приостановлении или прекращении действия договора во время вооруженного конфликта.

66. Делегация Беларуси поддерживает использование критерия намерения сторон на момент заключения договора для определения того, насколько возможно прекращение действия договора во время вооруженного конфликта. Однако этот критерий должен быть не столь субъективным и основываться на прямо выраженном намерении сторон.

67. В своей работе по данной теме Комиссии следует придерживаться основного принципа *pacta sunt servanda*. Как правило, государства заинтересованы в поддержании стабильности договорных отношений. В связи с этим последствия вооруженных конфликтов для договорных отношений, особенно между сторонами вооруженного конфликта и третьими государствами, должны быть сведены к минимуму.

68. Делегация Беларуси приветствует проект статьи 7, связанный с категориями договоров, объект и цель которых сопряжены с необходимым условием, согласно которому они продолжают действовать во время вооруженного конфликта. Оратор предлагает, чтобы Комиссия рассмотрела возможность включения Устава Организации Объединенных Наций, в частности его статьи 103, в список, содержащийся в пункте 2 проекта статьи. Такая ссылка подчеркнет специальный статус Устава как основополагающего международно-правового документа.

69. В целях сбора данных от большинства государств об их практике и мнениях в отношении данной темы Комиссии было бы полезно распространить вопросник, касающийся основных аспектов проектов статей, с тем чтобы повысить качество и универсальность ее кодификационной работы.

70. Обращаясь к теме "Дипломатическая защита", оратор одобряет достигнутые успехи, но отмечает, что Комиссия не должна ограничиваться рассмотрением условий для осуществления дипломатической защиты, в частности государственной принадлежности требований и исчерпания внутренних средств правовой защиты. Было бы целесообразно проанализировать практические вопросы, касающиеся методов осуществления дипломатической защиты и принципов распределения среди лиц, которым причинен вред, компенсации, полученной государствами в результате урегулирования массовых требований. Последующая кодификация и разработка норм дипломатической защиты должны быть направлены на обеспечение соответствующих положений статей об ответственности государств за международно противоправные деяния, применимых в частности к дипломатической защите.

71. Делегация Беларуси поддерживает предложение Специального докладчика, высказанное в его шестом докладе (A/CN.4/546), в соответствии с которым никакие положения, относящиеся к доктрине "чистых рук", не должны включаться в проекты статей, поскольку данная доктрина непосредственно не связана с темой дипломатической защиты. Комиссии также следует отказаться от догматического использования принципа *Мавромматиса* в качестве основы для доктрины "чистых рук". Этот принцип не вполне согласуется с современным международным правом, в котором основное внимание уделяется защите государством своих граждан и юридических лиц, а не восстановлению путем дипломатической защиты права государства, которое было нарушено другим государством посредством ненадлежащего обращения с такими гражданами или юридическими лицами. Государство должно пользоваться неограниченной свободой в том, что касается реализации им своего дискреционного права на осуществление дипломатической защиты.

72. Делегация Беларуси также выступает против включения критерия "чистых рук" на том основании, что во многих случаях он не может быть установлен *prima facie*. Допустимость осуществления дипломатической защиты не должна зависеть от обстоятельств, которые могут быть объективно установлены только на стадии рассмотрения дела по существу. Кроме того, маловероятно, чтобы критерий "чистых рук" мог объективно применяться в двусторонних отношениях между государствами во всех случаях. Неправильное использование критерия может иметь результатом невозможность осуществления дипломатической защиты в случаях, связанных с реакцией на нарушения Венской конвенции о консульских сношениях.

73. Наряду с вышеизложенным, значение критерия "чистых рук" заключается в том, что он представляет собой обстоятельство, которое смягчает или усугубляет международно-правовую ответственность. Данный критерий имеет лишь косвенное отношение к дипломатической защите. Возможность государства защищать интересы одного из своих граждан или юридических лиц не должна быть связана с абсолютно безупречным поведением этого физического или юридического лица. Правовые споры обычно возникают в ситуациях, когда каждая из сторон причинила вред другой стороне и неясно, какая из сторон несет большую правовую ответственность. Наконец, для некоторых государств признание применимости доктрины "чистых рук" в контексте дипломатической защиты может означать ограничение конституционного права их граждан на

защиту в иностранном государстве. Беларусь является одной из тех стран, которые гарантируют защиту своих граждан в иностранных государствах согласно Конституции.

74. В отношении темы "Односторонние акты государств" оратор приветствует тот факт, что Комиссия после длительного периода сомнений по поводу возможности эффективной кодификации норм таких актов приступила к углубленному анализу данной темы. В своей будущей работе Комиссия должна обеспечить проведение четкого разграничения между односторонними правовыми актами и политическими заявлениями. Делегация Беларуси согласна с тем, что за государством должно сохраняться право делать политические заявления без правовых последствий.

75. На данном этапе Комиссии следует уделять внимание не поведению государства, которое может вызвать правовые последствия, а скорее односторонним актам *stricto sensu*, то есть письменным или устным заявлениям, выражающим намерение того или иного государства. Делегация Беларуси поддерживает позицию, в соответствии с которой односторонние правовые акты должны добросовестно выполняться государствами, которые их сформулировали. Действие таких актов может быть прекращено государствами только по соглашению с субъектами международного права, которые приняли их к сведению и соответствующим образом изменили свое поведение.

76. **Г-н Нези** (Италия), отмечая, что в отношении темы "Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров" Специальный докладчик, сделав несколько абстрактную ссылку на намерение сторон, пришел к выводу о том, что вооруженный конфликт, как правило, не имеет последствий в форме прекращения или приостановления действия договора, заявляет, что необходим более тонкий подход к вопросу о приостановлении действия договора. Выполнение целого ряда категорий договоров нередко оказывается затруднительным во время вооруженного конфликта между их сторонами.

77. Следует четко разграничить последствия вооруженного конфликта для отношений между государствами, которые являются сторонами данного конфликта, и для отношений с третьим государством. Хотя в статье 73 Венской конвенции о праве международных договоров используется термин "начало военных действий между государствами", который может охватывать оба эти случая, вопрос о последствиях военных действий в отношении третьего государства, которое не является стороной конфликта, возможно, не требует специальных норм, поскольку в праве международных договоров уже существуют основания для прекращения или приостановления действия договора, такие как последующая невозможность выполнения или коренное изменение обстоятельств. Что касается последствий для отношений между государствами – участниками конфликта, то Комиссия должна тщательно исследовать практику государств, включая практику во время Второй мировой войны, и проанализировать судебную практику значительного числа стран.

78. **Г-н Таварес** (Португалия) говорит, что делегация Португалии высоко оценивает усилия Специального докладчика по представлению полной картины в том, что касается темы "Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров", в 14 проектах статей. Проект статьи 1 не вызвал проблем, однако определения терминов "договор" и "вооруженный конфликт" в проекте статьи 2 требуют комментариев. Проект статьи 1 ограничивает смысл термина "договор" соглашением между государствами, в то время как решение этого вопроса не было предопределено Венскими конвенциями 1969 и 1986 годов. Поэтому делегация Португалии спрашивает, нельзя ли использовать более широкое определение, или, рассуждая с более прагматической позиции, действительно ли существует необходимость в определении.

79. В отношении предлагаемого определения термина "вооруженный конфликт" оратор указывает, что в Венских конвенциях содержится ссылка на "начало военных действий". Кроме того, предлагаемое определение представляется несколько устаревшим; например, оно не отражает более широкое понятие конфликта, представленное в главе IV доклада Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам (A/59/565). Если определение необходимо, то в отсутствие лучшего варианта предпочтительным может оказаться более широкое определение, позволяющее стороне, применяющей проекты статей, определять в каждом конкретном случае вид военных действий, который может иметь последствия для данного договора. Кроме того, еще предстоит определить, подпадают ли проекты статей под общую рубрику права международных договоров или правовых

норм, касающихся применения силы. Необходимо будет тщательно рассмотреть вопросы о том, набор каких общих принципов права станет основой проектов статей и какова роль обычного права в каждой сфере.

80. В проекте статьи 3 Специальный докладчик предлагает заменить более раннее положение, в соответствии с которым вооруженный конфликт автоматически аннулирует договорные отношения, на более современную позицию, согласно которой начало вооруженного конфликта *ipso facto* не прекращает или не приостанавливает действие договоров между сторонами данного конфликта. Делегация Португалии пока еще не уверена в том, что такое изменение во взглядах международного сообщества произошло. Очевидно, что стороны вооруженного конфликта не в состоянии соблюдать правила договора заключенного с противником. Даже при наличии убедительной практики в отношении непрерывности договоров применение общего принципа непрерывности в таких случаях представляется нереалистичным. По признанию самого Специального докладчика, проект статьи 3, возможно, не является строго необходимым.

81. Уже первые три проекта статей подняли три вопроса первостепенной важности. Первый, уже упомянутый, вопрос заключается в том, относится ли данная тема к праву международных договоров или к праву вооруженных конфликтов; решение данного вопроса носит ключевой характер. Второй вопрос касается традиционного представления, в соответствии с которым договоры исключаются из обсуждений вооруженного конфликта, поскольку начало войны между государствами, будучи незаконным, оказывается за рамками международного права; следовательно, любые попытки проникнуть в новые сферы требуют осторожного подхода. В-третьих, делегация Португалии испытывает сомнения в отношении практической пользы данной темы. Создается впечатление, что 14 проектов статей представляют собой не кодификацию и даже не прогрессивное развитие международного права, а абсолютное нововведение.

82. Тексты проектов статей о дипломатической защите, одобренные в первом чтении в 2004 году, послужат прекрасной основой для дальнейшей работы Комиссии по данной теме. Делегация Португалии намерена представить письменные комментарии в соответствии с просьбой Комиссии. Делегация страны согласна с подходом Специального докладчика относительно доктрины "чистых рук".

83. Делегация Португалии приветствует инновационный подход Комиссии в отношении темы "Фрагментация международного права", который может внести значительный вклад в прогрессивное развитие международного права. Делегация с нетерпением ожидает представления в 2006 году обобщенного исследования в сочетании с рядом выводов, руководящих указаний и принципов.

84. **Г-н Фитшен** (Германия), обращаясь к теме "Фрагментация международного права", говорит, что исследования, уже рассмотренные Комиссией, а также исследования, проведение которых Исследовательская группа начнет в 2006 году, представляют собой заставляющую задуматься оценку существующего правового мышления по данной теме. Делегация Германии высказывает свое одобрение Комиссии за ее намерение завершить работу по этой теме на своей следующей сессии и достичь конкретного результата, имеющего практическое значение для практикующих юристов и экспертов по правовым вопросам, и с нетерпением ожидает получения предусмотренного набора практических руководящих указаний.

85. В отношении доклада Исследовательской группы, и в частности вопроса, связанного с "положением о разграничении", делегация Германии не согласна с тем, что участие Европейского сообщества и его государств-членов в одном и том же международном договоре имеет негативные последствия или приводит к фрагментации международного права. Как четко показано в примере, приведенном в сноске 373 к пункту 463 доклада Комиссии, такое положение применяется только в случаях, когда сфера применения положений договора совпадает со сферой применения соответствующей правовой нормы Сообщества. С позиции третьих государств, по общему признанию, на практике может быть трудно определить, применяет ли Европейское сообщество договор или соответствующую правовую норму Сообщества. Однако в правовом аспекте это не ставит под вопрос сферу действия или применимость договора как такового и, следовательно, не должно служить причиной озабоченности других сторон этого договора. Делегация Германии не видит никаких правовых оснований для того, чтобы ставить юридические препятствия для выдвижения Европейским сообществом и его государствами-членами предложения о включении такого положения в договор, или поводов к тому, чтобы третьи стороны возражали против его включения.

86. **Г-н Пех** (Малайзия), обращаясь к теме "Оговорки к международным договорам", говорит, что правительство Малайзии одобряет практику, в соответствии с которой государство возражает против оговорки, которую оно считает несовместимой с объектом и целью договора, но не возражает против вступления в силу данного договора между ним и государством, формулирующим оговорку. Таким образом, государство, возражающее против оговорки, уведомляет государство, формулирующее оговорку, о своей позиции в отношении правового статуса этой оговорки. Если данная оговорка несовместима с объектом и целью договора, она не будет иметь силы вне зависимости от того, возражало государство против нее или нет. Тем не менее оговорка вступит в силу по отношению к государству, возражающему против нее, если она не будет несовместима с объектом и целью договора и допускается или не запрещается этим договором.

87. Обращаясь к проектам руководящих положений, оратор предлагает, чтобы название проекта руководящего положения 3.1 было изменено на "Формулирование оговорок", с тем чтобы оно соответствовало статье 19 Венской конвенции о праве международных договоров. В пункте 39 доклада Специального докладчика (A/CN.4/558) приводится заявление сэра Яна Синклера о том, что статья 12 Женевской конвенции о континентальном шельфе не предусматривала возможность делать определенные оговорки, хотя в ней могли указываться конкретные статьи, к которым оговорки могут делаться. Однако Малайзия полагает, что эта статья является примером соответствия определенных оговорок проекту руководящего положения 3.1.2 по определению отдельных оговорок, поскольку в ней ясно разрешаются оговорки к конкретным положениям и указываются условия, которые должны выполняться для формулирования оговорки. В связи с этим правительство Малайзии хотело бы получить дальнейшие разъяснения по поводу различия между "определенными оговорками", упомянутыми в проекте руководящего положения 3.1.2, и "разрешаемыми не определенными договором оговорками", указанными в проекте руководящего положения 3.1.4.

88. Проект руководящего положения 3.1.7 неприемлемым образом расширяет статью 19 с) Венской конвенции: оговорка, сформулированная в неясных и общих выражениях, не позволяющих определить сферу ее действия, необязательно является несовместимой с объектом и целью договора.

89. В проекте руководящего положения 3.1.10 слова "с основными правами и обязательствами, вытекающими из этого положения" следует заменить на слова "с объектом и целью договора", а слово "положения" во втором предложении должно быть заменено на слово "договора" для обеспечения соответствия со статьей 19 с) Венской конвенции. Проект руководящего положения 3.1.12 можно исключить на том основании, что оговорки к договорам, не относящимся к правам человека, и к договорам по правам человека не должны разграничиваться. Такое разграничение не будет способствовать обеспечению ясности в этой области права, а, напротив, приведет к дальнейшей путанице, выдвигая различные стандарты соответствия для оговорок к разным типам договоров.

90. Проект руководящего положения 3.1.13 следует исправить путем исключения пунктов i) и ii), поскольку оговорки, которые касаются урегулирования споров, не противоречат объекту и цели договора согласно устоявшейся практике Международного Суда. Кроме того, смысл пунктов i) и ii) неясен. В связи с этим правительство Малайзии предлагает пересмотреть этот проект руководящего положения, с тем чтобы оно читалось следующим образом: "Оговорка к тому или иному договорному положению, касающемуся урегулирования споров или наблюдения за осуществлением договора, не является несовместимой с объектом и целью договора".

91. Хотя проекты руководящих положений представляют собой шаг вперед в деле разъяснения понятия оговорок к международным договорам, они требуют дальнейшего обсуждения и комментариев со стороны государств-членов, а также дополнительного углубленного анализа со стороны Комиссии до того, как станет возможным их утверждение.

92. Обращаясь к теме "Односторонние акты государств", оратор говорит, что правительство Малайзии хочет вновь поддержать непрерывные усилия Комиссии по определению принципов или руководящих положений, касающихся односторонних актов государств, которые создают правовые обязательства. Малайзия приняла к сведению различные мнения, высказанные по поводу возможности установления режима, регулирующего универсальные акты. Было бы целесообразно установить такие принципы или руководящие

положения, прежде чем будет предпринята амбициозная попытка кодифицировать такие акты. В отношении вопроса о том, создает ли заявление правовые обязательства или является чисто политическим по своей природе, правительство Малайзии согласно, что намерение государства является важным определяющим фактором наряду с целью, контекстом, обстоятельствами, содержанием и формой. Что касается формы, то как письменные, так и устные заявления могут влечь за собой правовые обязательства.

93. Признавая сложность предстоящей задачи, Малайзия высоко оценивает согласованные усилия, предпринятые Комиссией для получения сведений о практике государств в этой области и ее анализа. Комиссия должна сформулировать конкретные принципы и руководящие положения по односторонним актам государств, создающим правовые обязательства, до рассмотрения возможности разработки проектов правовых норм для таких актов.

94. **Г-н Карри** (Канада) говорит, что правительство Канады согласно со Специальным докладчиком по теме "Дипломатическая защита" в том, что доктрина "чистых рук" не должна быть включена в проекты статей, одобренные Комиссией в 2004 году. Статус этой доктрины в отношении дипломатической защиты является в лучшем случае неубедительным в сфере обычного права. Кроме того, с практической позиции ее применение в том, что касается приемлемости дипломатической защиты, понизит степень универсальности применения защиты прав человека. Дипломатическая защита является важным инструментом в деле защиты прав человека, и ее постановка в зависимость от поведения конкретного государства или лица принесет вред. Более уместным будет поднять вопрос о доктрине на стадии рассмотрения дела по существу, поскольку она связана со смягчением ответственности или освобождением от нее, а не с приемлемостью. Таким образом, Канада поддерживает подход Специального докладчика, применявшийся им при подготовке его доклада (A/CN.4/546).

95. Политика Канады заключается в предоставлении дипломатической защиты канадским гражданам независимо от любого другого гражданства, которое они могут иметь. Канада отвергает идею о том, что государство гражданства не может осуществлять дипломатическую защиту лица по отношению к государству, гражданином которого это лицо также является. В связи с этим Канада одобряет проект статьи 7, составители которой совершенно справедливо отошли от этой идеи и которая предусматривает осуществление дипломатической защиты в случаях, когда гражданство лица является преобладающим по отношению к государству, требующему применения такой защиты. Такая политика находится в соответствии с современной реальностью: многие лица имеют множественное гражданство, и их права человека получают правовую защиту против государства, гражданами которого они являются.

Заседание закрывается в 12 ч. 15 м.